

1

У ресторана затормозило желтое такси. Дверь приоткрылась, за ее верхний край схватились пальцы с неопрятно покрашенными ногтями, после чего женская нога нетвердо ступила на асфальт. Нога подвернулась, женщина, делавшая попытки выйти, ойкнула и плюхнулась назад. Взглянув на водителя, она чему-то рассмеялась, наверное, смешно ей стало от собственной неловкости, но он в ответ послал ей взгляд красноречивее слов: мол, выметайся, пьяная дура. И Виктория Яковлевна вымелась, держась за ручку, потому что боялась упасть. Она осмотрелась, увидела вход, лихо захлопнула дверь машины и при этом едва не рухнула наземь. Удержавшись на ногах, она удовлетворенно крикнула, провела ладонью по волосам и наметила маршрут — точно к входу в ресторан. Слегка растрепанная, в вечернем платье, горящем стразами, Виктория Яковлевна шла нетвердым шагом, ступни на высоких шпильках подворачивались, но она мужественно справлялась с ватными ногами и легким головокружением. Столкнувшись с охранником, Виктория Яковлевна пьяно пробормотала:

— Отойди, мальчик.

— Ваше приглашение? — не пускал ее вышибала.

Виктория Яковлевна хохотнула: ну и порядки тут у вас. Затем недолго рылась в сумочке, бросила это занятие, повесила ремешок на плечо, забыв защелкнуть замок, и оттолкнула амбала:

— Брысь с дороги!

Войдя внутрь, она остановилась у входа в зал, спрятавшись за шторой, внимательно рассматривала столы и плотно сидящих друг к другу людей. Здесь отмечают юбилей, она тоже решила сделать ба-альшой подарок юбиляру...

Юбилей дело противное. Потому что цифра прожитых лет складывается из двух пятерок, и это значит, что осталось совсем немного активной жизни, потом начнется существование.

Юбилей — дело нудное. Потому что длительные поздравления и пожелания одних и тех же благ действуют как снотворное. А бестактность гостей умиляла — все, как сговорились, желали здоровья, здоровья и здоровья, будто пожелать больше нечего. И вообще, что за намеки? Здоровьем Даниил Олегович не обделен, следовательно, это ехидные намеки.

Юбилей — дело суетливое. Потому что подготовка заняла массу времени, которое можно было использовать на более важные проблемы, не говоря о потраченных нервах.

Наконец, юбилей — дело дорогое. Вывалил на торжество Даниил Олегович... таких сумм не рисуют ни на одном официальном документе, иначе налоговые ищейки, которым известны все события в этом благословенном городе, начнут алчно клацать зубами, мол, откуда доходы, то да се.

6 И никакие подарки не окупят чудовищных

затрат. Но на юбилее настояла жена, ей отказать Даниил Олегович не мог. А если серьезно, то его огорчало одно обстоятельство — ни сын, ни дочь не пришли поздравить отца.

Стоя, он выслушал очередной панегирик (с обязательным пожеланием здоровья), улыбался как болван, лишь пригубил рюмку и поставил ее на стол — обильные возлияния уж точно приведут к полной потере того, о чем говорит тостующий. Юбиляр снял пиджак и галстук, закатывая рукава рубашки, покосился на пустой стул рядом. Куда делась жена? За весь вечер она не выпила и бокала шампанского, а Ева его обожает, и не какой-нибудь газированный компот за сто рублей, а настоящее. Странно. Минут сорок назад она исчезла. То хоть развлекала его, комментируя на ухо поздравления, теперь одна тоска. Он взял двумя пальцами оливку, кинул в рот, ведь заняться нечем, кроме как жевать, а челюсти уже устали, потому двигались с трудом. Гости ели, переговариваясь друг с другом, часто обращались к нему с какой-нибудь пошлой шуткой. Слышимость отвратная, зал забит, словно братская могила, танцевать практически негде, хотя это самый большой ресторан в городе.

— Который час? — подавила зевок Агния, женщина вне возраста.

— Без пятнадцати десять, — взглянув на часы, ответила Елизавета Ивановна, педагог по образованию, сплетница по призванию. Среди бизнес-сброда она, пожалуй, единственная представительница обнищавшего народа, однако не так все просто. Муж у нее коммерсант, и Елизавета Ивановна пользуется всеми правами состоятельной жены.

— Скучища, — все же зевнула, прикрывая рот пальчиками с длинными ногтями, Агния. А вот она собственным горбом завоевала право считаться преуспевающей дамой — шутка ли, пять магазинов модной одежды. Начинала она с челночного бизнеса, до сих пор за шмотками по странам и континентам мотается сама.

— Я до двенадцати подохну, а раньше уйти неудобно.

— Потанцуй, время незаметно и пролетит.

— Никто не приглашает, — вздохнула Агния. — Что-то не вижу большого кента юбиляра — Хусаинова.

— Ты не знаешь? — подняла брови Елизавета Ивановна. — Его же грохнули.

— Да?! — в свою очередь, изогнула дугой брови Агния. — Когда?

— Ну, ты даешь. Неделю назад.

— Сколько новостей в нашем королевстве, жизнь кипит! Я приехала вчера, мне никто не сообщил.

— Потому что это уже не кипящая новость...

— О!..

Агния перевела на эстраду сонный взгляд, который заметно оживился. Туда выплыла принцесса в алом облаке шифона с гитарой в руках. Музыкант поставил стул на середину, принес два микрофона на штативах, один направил на гитару, другой — на очаровательный и красный ротик принцессы. Тамада взял третий микрофон:

— Минутку внимания!

Мало-помалу в зале наступила тишина, разумеется, всем стало безумно интересно, зачем это юная жена distinguished юбиляра вылезла на эстраду. Уж ей бы — думали многие — сидеть

тихонечко рядом и делать вид, что она только родственница.

— Юбиляра хочет поздравить жена, ей слово, — объявил тамада.

— Милый, родной, любимый Нил, — заговорила принцесса с шокирующей откровенностью. Почему шокирующей? Да потому, что трудно поверить, что это воздушное и юное создание безумно любит мужа, старше ее более чем вдвое. — Я долго думала, что подарить, ведь у тебя есть все. Я дарю тебе то, что нельзя взять в руки, нельзя оценить, я дарю тебе песню, а вместе с ней мою любовь.

Струны гитары дрогнули, мелодичные переливы заполнили зал, а потом зазвучал старинный русский романс о любви и страсти. Голос Евы, глубокий и пронзительный, достойный большой сцены, проникал в души даже заядлых циников, настолько красиво она пела. И все слова предназначались ему одному — мужу. Слова и взгляд, светившийся счастьем и радостью, преданной любовью, — тоже ему. Правда, мелодия несколько грустная, а откровенное и восторженное чувство смущало присутствующих, гости переглядывались. Но Ева не видела всех этих уличающих, порицающих, обличающих лиц, иначе не смогла бы петь. Она смотрела только на мужа, пела только ему.

— Красивенькая девочка, — сказала Елизавета Ивановна тоном, каким говорят об увечьях, но никак не о достоинствах. Вторая фраза прозвучала не лучше: — Любит его.

— За такие бабки и я бы его любил, — сострил молодой человек, сидевший рядом с Лидией Ивановной, тут же внес уточнение: — Если бы он мне их давал.

— У вас, миленький, нет смазливового личика, — облила его ядом Елизавета Ивановна. — Нет таких пышных волос и испепеляющих глазок, такой безупречной юной фигурки. У вас, друг мой, нет никаких шансов.

Иногда Ева тянула высокую ноту, одновременно прикрывала глаза, и между бровями пролегла едва уловимая складка, но затем вновь голос набирал силу и облетал зал, а взгляд устремлялся на него, мужа. Конечно, возрастная разница между Евой и Даниилом Олеговичем наводила на определенные мысли, мол, брак по обоюдному расчету: она дает ему молодость, а он ей обеспечивает материальную базу, в общем-то тоже бизнес, и довольно-таки распространенный. Но Даниил Олегович словно выпил эликсира живительной силы, он переменялся, женившись на Еве, стал приятней в общении, энергичнее, веселее смотрит на жизнь, а раньше слыл пессимистом и брюзгой. Гости исподволь наблюдали то за юной женой, жадно ловя каждое ее движение, способное передать истинные чувства, то не сводили глаз с юбиляра. Да, его не узнать, разумеется, перемены приписывали Еве, это она превратила занудливого Даниила Олеговича в человека, переживающего вторую молодость... или, пожалуй, третью. Кстати, супруги везде бывают вместе, никто никогда не слышал, чтобы между ними происходили сцены, короче, идеальнейшая пара.

— А знаешь, я завидую ей, — сказала Агния. — Девочке не пришлось вкалывать до кровавого пота, рисковать, гробить здоровье и нервы. В юном возрасте она получила от судьбы блюдо с удачей.

— Интересно, что чувствует молодая дева, когда на нее лезет... папуля? — задумчиво и цинично произнесла Елизавета Ивановна.

— Посмотри на нее и поймешь. Ева просто тащится от него.

— Пока она воспринимает замужество как манную кашу с неба, — скептически заметила Елизавета Ивановна. — А что будет через пяток лет?

— Тогда и увидим, — ухмыльнулась Агния. — За пять лет она его доконает и станет молодой, обеспеченной вдовой.

— Ой, без «увидим» ясно, — слегка махнула рукой Елизавета Ивановна в знак отрицания. — Через пять лет... нет, много раньше она взвояет. Привыкнет к деньгам, ей будет казаться, что они у нее всегда были, и задумается: зачем же я слушаю по ночам храп старого вонючего козла? Захочется молодого, как она сама, кобеля, который неустанно будет трудиться в постели. У Нила сейчас переходный возраст, ему бессознательно хочется доказать всему свету, что он еще скакун, а не замороженный конь. Мужчины, особенно богатые, тяжело переживают старение. В этом смысле секс с молодой лошадкой как раз и поддерживает уверенность, что старость далеко-далеко. Но переходный возраст обычно быстро кончается, когда он завершится, наш юбиляр начнет считать рожки. Все же я в восторге от нее, ловко она надела ему хомут. Сколько ей? Лет двадцать пять? Сильна.

— Я что-то не слышала, чтобы бабы нашего возраста хомутали богатых мужиков, да еще женатых.

— И не услышишь, милая, — заверила ее Елизавета Ивановна. — Потому что такого в природе не существует. И не женится богатый на серенькой девушке, даже в любовницы не возьмет. А почему? Потому что красота — товар, который имеет спрос. Ты не задавалась вопросом, почему красивые женщины часто страшно злые? Не все, 11

конечно, но подавляющее большинство. Потому что не всем удастся продать красоту за ту цену, которую себе назначили. Тут конкуренция почище, чем в бизнесе. Выдерживают те, кто получил классическое воспитание, у кого родители живут по установленным тысячелетиями традициям. Это мое наблюдение, поэтому я категорична. Кстати, ты, дорогая, тоже можешь купить... хотя бы моего соседа. И он будет тебя любить, как ты пожелаешь, будет с упоением ласкать твое дряблое тело и целовать целлюлит на всех конечностях. Верно, Лешенька?

Лешенька хотел оскорбиться, но передумал, ушел танцевать.

— А ведь даже не возразил, — расхохоталась Елизавета Ивановна.

Ева закончила песню под шквал аплодисментов, вернулась к мужу, который поцеловал ей руку и прильнул к губам. Послышался новый взрыв аплодисментов и одобрительные возгласы, словно здесь отмечали не юбилей, а свадьбу.

— Тебе понравилось? — заглянула в лицо мужу Ева.

— Конечно! — сиял он как золотая монета.

— Но это еще не все, мой главный подарок впереди. — Ева прижалась к нему, затем села на свое место. — А я поголодалась.

Музыканты заиграли и запели, гости танцевали, Даниил Олегович не сводил влюбленных глаз с Евы, которая с большим аппетитом поедала блюда. Это чудо послано ему свыше, вся его жизнь с появлением Евы преобразилась. И пусть злые языки болтают что угодно, это от зависти. Когда

12 он познакомился с Евой, она даже не знала,

что он один из самых состоятельных людей города. Сначала встречались тайком, потом плюнули на пересуды и виделись открыто, нездоровый интерес к ним рос с космической скоростью, сплетни и помогли соединиться. Если поначалу Даниил Олегович сомневался, стоит ли круто менять свою жизнь, то после женитьбы сомнения улетучились, он стал счастливейшим из смертных.

Закончился танец, все рассаживались, официанты начали носить горячие блюда, и вдруг...

Да, всегда в момент взлета, пика удачи, в миг счастья надо ждать этого коварного «вдруг». Потому что нет постоянства на этом свете, и когда ты стоишь, расправив крылья, налетает оно, бьет под дых, а дальше ты несешься с высоты на острые камни. Даниил Олегович заледенел, услышав в микрофон до омерзения знакомый голос. На эстраде в длинном вечернем туалете стояла его бывшая, держа микрофон:

— Господа, минутку внимания! Вы слушали поздравление от нынешней жены Нила, а теперь послушайте от экс-жены... то есть от жены в отставке... В общем, от меня!

В зале наступила гробовая тишина, а большое скопление подвыпившего народа не так-то просто заставить умолкнуть. Ясно же, как божий день, что дело пахнет скандальчиком, какого в городе не видывали со времен его основания. Все замерли, у кого-то даже кусок застрял между ртом и желудком.

— Наступил кульминационный момент вечера, — ядовитым шепотом сказала Елизавета Ивановна. — А я, дура, не хотела идти.

— Перестань, — осадил ее Агния. — По-моему, это не смешно. Зачем она притащилась сюда?

С дуба упала, что ли?

— С очень высокого, — подтвердила Елизавета Ивановна.

— Налейте, господа, в бокалы! — улыбаясь, говорила Виктория Яковлевна, широким жестом обведя зал. — Ну же, наливайте! Я произнесу тост. А мне кто-нибудь подаст бокал?

С ближайшего столика ей любезно поднесли бокальчик с шампанским, она поблагодарила, взяла и покачнулась, однако на ногах устояла, рассмеявшись от неловкости.

— Она пьяна, — в ужасе прошептала Ева, съевшись.

Даниил Олегович метнул молнии в сторону вышибал ресторана, один из которых протискивался к нему с видом напраказившего школьника.

— Итак, Нил, тебе стукнуло пятьдесят пять! — злорадно произнесла Виктория Яковлевна. Даниил Олегович набирал на мобиле номер, глядя на бывшую с лютой ненавистью. А она... О, боже, что она несла, да еще в микрофон! — Ты растолстел, полысел, обрюзг, вид у тебя далеко не здоровый — мешки под глазами, кожа коричневого оттенка, наверное, печень барахлит. Но это ничего. Все пройдет, когда помрешь. Так вот, милый...

Охранник в это время протиснулся к Даниилу Олеговичу.

— Как она прошла? — прошипел, не раскрывая рта, юбиляр.

— Оттолкнула охрану, — оправдывался тот. — Не драться же с ней.

— Вы не имели права пускать в зал без приглашения.

— ...хочу тебе пожелать от всей души, чтобы ты не подох раньше времени, — с коварным

оскалом, как показалось юбиляру, продол-

жала бывшая. — С молодой-то женой сил надо много, а мне страшно хочется посмотреть, как она тебя орогатит. И вообще, хочется увидеть, на что способна наша... матрешка. Что там она прячет внутри?

— Какого черта стоите? — зарычал Даниил Олегович на охранника. — Уберите ее! В холл выведите! Я следом приду.

Вышибала кинулся к эстраде. В это время в мобильнике послышалось «Алло!», Даниил Олегович отвернулся от публики, жаждавшей продолжения спектакля, заговорил с сыном:

— Срочно забери мать из кабака.

— Я не слышу, — сказал сын. — Повтори.

Не орать же! Даниил Олегович метнулся к выходу, но проход между стеной и стульями был слишком узок, чтобы проскочить быстро, пришлось ему крикнуть:

— Мать забери из ресторана!

— Буду через пять минут, я недалеко, — сообщил сын.

А Виктория Яковлевна подняла бокал выше головы и торжественно произнесла пожелания:

— За твое здоровье! Оно тебе пригодится. И за крепкие нервы! Пошел вон! — бросила она охраннику, пытавшемуся стащить ее с эстрады. — Я тебя прощаю, Нил, потому что ждет тебя нелегкая старость в одиночестве. Правда, при одном условии: если тебя не отравят, не придушат или не утопят в ванне. Да катись, болван! — отбрыкивалась она от охранника, хватавшего ее за платье. — И еще скажу: будешь ты локти кусать...

Охранник вскочил на эстраду, отнял у нее микрофон и отдал музыканту, затем забросил даму на плечо и пошел с ней к выходу. Она хохотала и била кулаками по его спине, слетели туфли,